

НА БЕРЕГАХ СЧАСТЬЯ

«Ни Гумилев, ни злая пресса не назовут меня талантом. Я маленькая поэтесса с огромным бантом»

Независимая газета. 1998. 25 марта. - с. 10

Ирина Каспэ

Ирина Одоевцева. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены/ Сост., подгот. текста, вступ. ст. Е.В. Витковского. Послел. А.П.Колоницкой. - М.: Согласие, 1998. - 960 с., ил. «Ноябрь 1918 года.

Огромные ярко-рыжие афиши аршинными буквами объявляют на стенах Невского об открытии Института живого слова. <...>

Товарищ в кожаной куртке спрашивает:

— На какое отделение, товарищ?

— Поэтическое, — робко отвечаю я.

— Литературное, — поправляет он. И критически оглядев меня: — А не театральное ли? Но так и запишем».

ИРИНУ ОДОЕВЦЕВУ часто принимали за актрису. Будущий муж, Георгий Иванов, впервые услышав ее стихи, не смог скрыть удивления: «Это вы написали? Действительно вы? вы сами?» Издательство «Согласие» предоставляет возможность оценить правомерность этого восклицания. Помимо того, что увесистый том объединяет две известные книги воспоминаний — в конце 80-х опубликованные по отдельности и с купюрами, — он же стал первым российским изданием, в котором представлены поэтические сборники Одоевцевой. В результате знакомый образ очаровательного наивно-правдивого существа, порхающего вдоль берегов Невы и Сены, претерпевает неожиданные изменения. Мемуары и стихи тесно переплетаются друг с другом — чем внимательнее вчитываешься, тем сложнее отличить правду от вымысла, а метафору от забывчивости.

Традиция с особой тщательностью выискивать ошибки и неточности в мемуарах Одоевцевой связана с реакцией на «Петербургские зимы» Иванова, содержащие, по собственному признанию автора, «семьдесят пять процентов выдумки». Иногда доходило до крайностей — Надежда Мандельштам утверждала: «Эта пара — Иванов и Одоевцева — чудовищные вруны». Поклонники обоих предпочитали называть то же самое «прозой поэта». Свойственная Одоевцевой

манера вспоминать лишена кичевой безапелляционности Иванова. Интонации серьезны, цель благородна: «Если вы, мои читатели, исполните мою просьбу и полюбите тех, о ком я сейчас пишу, вы обязательно подарите им временное

достигнут. Слово становится стихией, сметающей преграды между тем, что было услышано, и тем, что было сказано; слово, слетевшее с губ собеседника, сливается со словом, всплывшим в тишине ночной во время бессонницы, —

С бантом, в шубке меловой,
«Я — невеста», «Я — жена»,
(Это, впрочем, уж в Париже),
И печальна, и грустна.
До прозрачности бледна,
Молча в черное одета.
Вот проходит «Я — вдова
Знаменитого поэта».
Только было ли все это?
Или это лишь слова?

Настоящая жизнь — на сцене, то есть среди слов, которые рифмуются. Возможность наконец-то быть собой: то узнавать себя среди перечисляемых предметов («я — елка»), то находить себя, изменяя грамматику фразы («я даже не «она», а «он»):

Между полусознанием и сном,
Я не больше пяти минут
Настоящая.

А потом
Ничего не поделаешь тут,
День идет своим чередом.
Запутанную грамматику реальных событий изменить гораздо сложнее:

Ясно вижу стать нельзя
Ни лягушкой, ни кукушкой.
Что ж? Согласна, я — изволь —
Взять себе другую роль:
Стать красавицей-папушкой,
Босоножкой-папушкой,
На которой, хоть и зря,
В сказке женится король.

Для Одоевцевой ночь логичнее дня, стихи логичнее прозы. Понимание — это ночные озарения, полубред и заплаканные глаза. Не мемуары расшифровывают содержание поэтических сборников, а стихи комментируют мемуары — от каких-либо других комментариев к «Берегам» Ирина Владимировна отказывалась. В поздних рефлексивных стихотворениях оттачиваются формулы самоидентификации, в ранних балладах эпическая логика исследуется и признается абсурдной:

И там, на площади Виллет,
Никто убитый не лежит.

Стиль возникает из убежденности, что только стихотворение образно и в отличие от прозы наделено способностью воспроизводить собственное отражение:

Можно ли еще писать стихи
Всерьез?

Поздняя Одоевцева, как и поздний Иванов, предпочитает центон, смешивая цитаты скрытые и явные, дословные и трансформированные, ссылки и отсылки, самоцитаты и выдержки из Блока, Гумилева, Мандельштама, Бретона, Рембо, Елизаветы Австрийской:

Ирина Одоевцева. 30-е годы.

бессмертие, а мне сознание, что я не напрасно жила на этом свете». Но внимание неизменно притягивают оговорки в цитатах и неправдоподобно длинные монологи персонажей. Поэтический идеал

так стареющая театральная прима оставляет попытки разобраться с многочисленными ролями, когда-либо сыгранными:

«Я — подросток», «Я — студентка»

Ирина Одоевцева

— В этом мире любила ли
что-нибудь ты?..
— Ты, должно быть, смеешься!
Конечно, любила.
— Что? Постой. Дай подумать!
Духи и цветы,
И еще зеркала... Остальное
забыла.

Но где же еще гибнуть всерьез, если не на зеркальной поверхности слова — так профессиональная актриса только перед зеркалом перестает следить за своим лицом. И Ирина Одоевцева не больше чем на пять минут обрывает любимое заклинание: «И во сне и наяву// С наслаждением живу» —

Оглядываясь, как с горы,
На прошлое мое,
Я вижу ясно,
Что нет в нем дня,
Нет даже часа,
Который бы хотела
Я заново, вторично пережить,
И, значит, я всегда была
несчастлива.

Для того чтобы превратить устойчивость в стихотворение, потребовалось многолетнее мужество при любых обстоятельствах оставаться жизнерадостной «маленькой поэтессой с огромным бантом».

Однажды Николай Гумилев подарил ей луну. С тех пор благодарная ученица практически не расставалась с подарком и использовала его то вместо софитов, то вместо подмостков, то вместо знаков препинания:

День закончился благополучно
Словно точкой круглую луну.

Незадолго до смерти Ирина Одоевцева, в возрасте за восемьдесят, после шестидесяти пяти лет эмиграции вернулась в Россию — СССР, начала диктовать книгу «На берегах Леты» и вновь была счастлива.